

Феликс Кохрихт

Десять дней, которые нас...

Так уж случилось, что название книги американского журналиста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» стало чем-то вроде приглашения к игре, где от участников требуется после слова «которые» определить, чем же та или иная декада в нашей жизни отличалась от других, что яркого и необычного произошло

с нами в это промежуток времени. Рид писал о 10 днях октября 1917 года, когда революция в России только начиналась. Отсюда – и потрясения. Но впоследствии этот сакральный смысл изменился, стал чем-то вроде квеста, но при этом события, которые мы оцениваем, должны быть значительными и даже знаковыми.

К таковым, несомненно, относится и Четвертый Международный фестиваль «Odessa Classics», который проходил в нашем городе с 1 по 10 июня. Я бы для начала разговора выделил в этом словосочетании определение «четвертый». И вот почему.

По себе знаю, с каким воодушевлением и отвагой в 2000 году мы запускали в типографию верстку первого альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», и какая радость охватила нас после определенного успеха нашего предприятия. Радость, которая повторилась еще раз, а на третий сменилась легкой паникой: «А где же взять деньги на выпуск? Как найти в нашем окружении достойных авторов, согласных отдавать нам свои произведения –

да еще и без гонорара? Будут ли нас читать земляки?». Да еще острые на язык приятели и коллеги...

Мы давно дружим с Алексеем Ботвиновым – уверен, что он испытывал подобные чувства уже после первого фестиваля, но, в отличие от меня, и виду не подавал о своих – нет, не сомнениях (он их никогда не испытывал) – а естественных проблемах и трудностях...

Три фестиваля кряду с программами, уложенными в пять дней, прошли с несомненным успехом, но когда я услышал, что четвертый растянется на 10 дней, то, как говорят японцы, потерял лицо и высказал Алексею следующие опасения. Я уже убедился в том, что президент нашего фестиваля пользуется авторитетом и доверием коллег, входящих в элиту современной классической музыки, и они с удовольствием играют в Одессе, но где найти их столько, чтобы поддержать уровень фестиваля, которого тот уже достиг? Дело даже не в том, что «первачей» мало, – они нарастают, их гастролы расписаны на годы вперед...

Прошло несколько месяцев, и я получил программу фестиваля, в которой каждый из десяти вечеров обещал встречу с мастерами

Даниэль Хоуп и Берлинский камерный оркестр

Себастиан Кнауэр

высокого класса. К тому же, как и на прошлых фестивалях, были запланированы и концерты на разных площадках, на сей раз – новой украинской музыки, мастер-классы, круглые столы.

Еще до начала фестиваля в Музее западного и восточного искусства открылась выставка одного из самых оригинальных и востребованных художников Украины и Европы Виктора Сидоренко, на обсуждение которой в Одессу приехали ведущие киевские специалисты в области современного визуального искусства.

С огромным успехом в основной программе в зале филармонии состоялась презентация уникального проекта, посвященного памяти великого режиссера Андрея Тарковского, с участием его сына Андрея и итальянских музыкантов.

Но вернемся к моим предфестивальным сомнениям. Опасался я и того, что наша публика не сможет целиком заполнить залы оперного театра и филармонии, и вот почему. Ежедневное посещение концертов классической и камерной музыки требует от нас немалых усилий. Во-первых, не всегда можно найти на это

Виктор Сидоренко у своих работ

время, во-вторых, каждый такой контакт с высоким искусством не только сулит наслаждение и нирвану, но требует от слушателей и зрителей внимания и сопереживания сложным, порой трагическим чувствам и мыслям, которыми делятся с нами композиторы и исполнители. И в-третьих, что немаловажно, сегодня далеко не все могут позволить себе приобрести билеты если не на все, то на желанные концерты...

Пишу эти строки, вспоминая заполненные тысячные залы. Ожидания лишнего билета. Приставные стулья а зале филармонии, молодежь – на галерке оперного... Знакомые лица тех, кто уже в третьем поколении приходит сюда со стареющими родителями, взрослеющими детьми и внуками... Ощущаю присутствие и тех, кто здесь во второй или первый раз, – они, случается, аплодируют в паузах между частями сонат...

Уже сложилась аудитория иностранных завсегдатаев фестиваля: немцы, швейцарцы, итальянцы... Образовался пул журналистов – наших и зарубежных, критиков, музыковедов.

Алексей Ботвинов и Бурхан Очал

Из фестиваля в фестиваль архитектура многодневного действия становится разнообразнее – и по жанрам, и по стилистике. На нынешнем были широко представлены инструментальные ансамбли – от дуэта до квартета, квинтета и камерного оркестра. Преобладала сонатная форма – ею фестиваль открылся и закрылся.

В первый день июня в оперном театре после торжественной церемонии открытия Максим Венгеров и Полина Осетинская играли сочинения Равеля, Сен-Санса, Брамса, задав тон партнерской, полной взаимного уважения игре ярких и виртуозных инструменталистов, каждый из которых – самодостаточная и яркая личность.

Второй день – там же. И вновь дуэт, который знаком нам по проекту «Бах. Перегрузка». Смелый эксперимент: строгая форма исполнения «Гольдберг-вариаций» европейским классическим музыкантом Алексеем Ботвиновым и импровизационное участие восточного перкуссиониста Бурхана Очала явили новое качество звучания, но, главное, – доказана плодотворность взаимообогащения двух великих культур.

Максим Венгеров и Полина Осетинская

На четвертом фестивале «Перезагрузка...» обогатилась включением в программу «Картинок с выставки», в которых вслед за строгой ритмической порой аскетичности вариаций Баха пришли драматизм и гротеск Модеста Мусоргского.

В последующие дни один за другим вышли на сцену филармонии два камерных состава, представляющие, казалось бы, полярные стили музицирования... В мир ярких и шумных страстей, лихой удали и сентиментальной грусти поместил нас барон венгеро-цыганских скрипачей Роби Лакотош, представляющий шестое или седьмое колено легендарных музыкантов – мастеров чардаша, стилизаций Брамса и народной стихии мажорских пастухов и цыганских кибиток... Звучали в том концерте и мелодии Пяццоллы, и Косма, и все это – с кавалерийским драйвом венгерских гусар и под рокот цимбал!..

Иная музыка, философия, иное мироощущение – квартет Дмитрия Ашкенази, объединившего мастеров игры на деревянных духовых – кларнете, гобое, фаготе и примкнувшей к ним валторны.

К гостям присоединился Алексей Ботвинов. Времена Моцарта и его современника Станица – расцвет деревянных духовых, говорящих человеческими голосами, но звучала и музыка постимпрессиониста Пуленка.

Алексей Ботвинов, планируя «сетку» фестиваля, режиссируя его темпоритм, выбрал для финального концерта музыку Сергея Рахманинова, композитора, с которым его жизнь связана особым образом. В 1989 году девятнадцатилетний одессит стал самым молодым победителем Международного рахманиновского конкурса в Москве. И с этого дня началось его становление как инструменталиста и музыкального деятеля мирового класса. Алексей признан одним из лучших исполнителей произведений Рахманинова.

Двумя годами раньше на этом же конкурсе первое место среди виолончелистов занял бразилец Антонио Менезес – ныне мировая звезда. Об этом совпадении они узнали только сейчас – в Одессе. Десятого июня 2018 года лауреаты встретились в Одессе, чтобы сделать музыкальное приношение и своему кумиру – Сергею Рахманинову, и нам – слушателям, собравшимся в зале филармонии. Было исполнено большое элегическое трио Сергея Васильевича Рахманинова «Памяти великого художника», посвященное памяти Петра Ильича Чайковского. Партию скрипки исполнил Майкл Гуттман.

Гимн и реквием. Но все же больше – гимн.

А сейчас – о новациях, о встречах одесской публики с тенденциями в мировой музыке, родившимися на стыке XX и XXI веков. Речь идет о переосмыслении отношения к наследию классической музыки. Сторонники этого течения уверены, что сегодня шедевры великих предшественников кроме непреходящей эстетической составляющей содержат и огромный запас идей, которые при чуткой и бережной интерпретации могут родить новое содержание. На фестивале были реализованы два направления новаторской работы над выдающимися произведениями классиков. Первое успешно реализовали Алексей Ботвинов и Бурхан Очал – об этом мы уже говорили. Сотрудничество музыкантов продолжается. Второе направление основано на создании оригинальных произведений, в которых содержатся и цитаты из ше-

девра, и ассоциации, родившиеся у композитора, взявшегося за многотрудное предприятие – создание диалога с великим предшественником средствами современного арсенала профессиональных приемов и душевных порывов... Нам довелось впервые познакомиться с результатами подобных новаций.

Два знаковых концерта с участием мировых звезд были впервые показаны одесской публике – один за другим. На сцене оперного театра маэстро Даниель Хоуп подарил нам встречу с вечным и непревзойденным сочинением Антонио Вивальди «Времена года». В первом отделении он блистательно, артистично и вдохновенно (стандартные и привычные определения, но более всего уместные этом контексте) исполнил сольную партию скрипки, оставаясь при этом великодушным лидером по отношению к оркестру, который отвечал ему нескрываемым восторгом.

В антракте я встретил в фойе давнего знакомого – книжника и меломана Андрея, и он показал мне диск с символом знаменитой немецкой фирмы «Дойче граммофон». На обложке новенького конверта – Хоуп со скрипкой... «Вивальди?» – спросил я. «Рихтер», – ответил Андрей. И тут я вспомнил, что «DG» недавно признала лучшим диск с записью концерта, в котором скрипач исполнил сочинение современного композитора Макса Рихтера, – именно его нам предстояло услышать во втором отделении. Андрей поспешил за кулисы – за автографом нашего гостя, а я уже под третий звонок поспешно сообщу следующее. Сегодня ведущие звукозаписывающие фирмы мира возобновили выпуск привычных мне виниловых дисков. Технология – самая современная, смысл в том, чтобы вернуть носителям звучание, приближенное к естественному, а не тому, что обеспечивает «цифра». Такие диски стоят дорого – Андрей получил свой в подарок от немецкого друга.

А теперь – о произведении, которое мы услышали во втором отделении после наслаждения оригиналом – «Временами года» в классическом звучании. Уверен, музыковеды и теоретики уже дали оценку этому сочинению, которое автор назвал «Vivaldi Rekomposted»: в этом словосочетании каждое слово понятно, и секрет возможного успеха определяется в том, чтобы музыка, сочиненная под таким девизом, соответствовала замыслу

новатора. А именно: перевыпуск Вивальди должен, по возможности, соответствовать если не уровню, то смыслу и стилистике оригинала. За столь мудреной фразой я скрылся из-за того, что подобную музыку в подобном контексте, да еще после гениального оригинала, нужно слушать лично и, желательно, в зале, предпочтительно нашего оперного, в крайнем случае – записанную по новой технологии на виниловый диск. И еще ее обязательно должен исполнять Даниель Хоуп, и он же – управлять камерным оркестром.

Себастиан Кнауэр, один из самых стильных и масштабных пианистов нашего времени, познакомил нас с проектом, которым сейчас занят. Он, как и Ботвинов, Хоуп, – не только солист и мастер ансамблевой игры, но и деятель современного искусства музыки. Земляк и частичный тезка Баха, Себастиан Кнауэр видит в его сочинениях, а главное – идеях, неисчерпаемый депозитарий вечных ценностей, из которого чуткий музыкант и композитор с фантазией могут и должны извлечь темы и поводы для самовыражения. И в этом концерте, прошедшем в филармонии, было две составляющие. В первом отделении Кнауэр сыграл Концерт Баха ре-минор. Он сидел за клавирами спиной к залу, как это было принято с старину, и управлял Берлинским камерным оркестром кивками головы и, вероятно, взглядами. Под аплодисменты зала мы услышали эталонное звучание одного из шедевров кантора Лейпцигского собора Святого Фомы, Tomaskirche.

Много лет назад мы жили в этом старинном саксонском городе и не раз слушали в соборе раскаты органа, от которого, казалось, только что отошел Бах... На какое-то время зал Одесской филармонии превратился в сводчатое пространство собора.

В антракте перед вторым отделением на сцене произошла перестановка. Появились рояль и инструмент, который не часто услышишь в концерте классической музыки. Виброфон, да еще современный, похожий на пульт управления межпланетным кораблем в голливудских блокбастерах... Он внес свой голос в звучание сочинения, обозначенного в программе как проект «Uberbach». Маэстро Кнауэр перевел это название таким образом: «Над Бахом», но Татьяна полагает, что точнее было бы –

«Возле, у Баха»: так правильнее в переводе с немецкого. Но я позволю себе добавить, что и по смыслу точнее. Все же новаторское сочинение молодого иранского композитора Араша Сафаяна пока еще путешествует по периметру пика Баха, но не воспаряет над ним.

А музыка прозвучала мелодичная, местами трогательная, не побоюсь этого слова – красивая. И этому немало способствовало звучание виброфона, которым управлял Паскаль Шумахер.

После этих концертов, в которых звучали великая классическая музыка и ее современный вариант, мы заспорили, что же это за явление. Ботвинов, Хоуп, Кнауэр и композиторы, условно, новой волны, смело изымающие цитаты из наследия классиков и вплетающие их в свои сочинения, вроде бы полные почтения к гигантам, но и являющиеся поводом для их рестарта... Спорили Евгений и Аня Голубовские, я и Татьяна. Первым делом прозвучала коннотация – постмодернизм, и тут же была отвергнута: все же музыка – не изобразительное искусство и не литература. А что? Решили (на какое-то время), что встретились с новой классикой. Так ли это? Во всяком случае, спор идет, и в нем, уверен, участвуют и специалисты – теоретики-музыковеды и критики... Да и, судя по всему, на пятом одесском фестивале спор будет продолжен на новом материале.

Несомненно, важнейшей составляющей концепции Алексея Ботвинова, которая сделала Четвертый фестиваль особенно значимым для одесситов, стало проведение в его рамках конкурса юных пианистов страны, посвященного памяти выдающегося педагога, профессора Одесской консерватории Серафимы Леонидовны Могилевской. Его победитель, киевлянин Богдан Федюрко, получил право сыграть на концерте опен-эйр на Потемкинской лестнице и с успехом сделал это.

Одним из самых ярких событий фестиваля стало пребывание на нем Захара Брона, о котором написаны книги и диссертации, уникальная личность которого удивительным образом содержит и талант прекрасного инструменталиста, и дар великого учителя. Его воспитанниками на сегодняшний день являются более 120 скрипачей, входящих в мировую элиту. Среди них и звезды нашего фестиваля – Вадим Репин, Максим Венгеров и Даниель Хоуп.

Захар Брон в школе имени. Столярского

Захар Ефимович – создатель новейшей одесской скрипичной школы. В детстве он учился в школе имени Столярского у Артура Зиссермана, а затем, в Москве, – у наших выдающихся земляков Бориса Гольдштейна, Игоря Ойстраха, и был ассистентом у великого Давида Федоровича Ойстраха.

В родной школе высокий гость дал концерт и провел мастер-класс, ставший незабываемым событием в жизни юных скрипачек, одна из которых – Мария-София Дикая, представляющая славную династию одесских музыкантов – Диких и Джамагорцян.

Мне посчастливилось провести с Захаром два дня. Мы одноклассники, учились в Столярке в разное время. Оказалось, что любим одни песни, и в перерыве между концертом и мастер-классом исполнили, к изумлению окружающих, куплет из гимна Одессе – песни Тоси из «Белой акации».

Концерт опен-эйр на Потемкинской лестнице.
У рояля победитель конкурса памяти Серафимы Могилевской Богдан Федюрко

К сожалению, маэстро не мог продолжить пребывание в Одессе – он спешил в Японию на международный фестиваль по поводу его 70-летия с участием звездных учеников. Захар Брон проявил серьезную заинтересованность в продолжении традиций скрипичного образования в Одессе и в разговоре с Алексеем Ботвиновым обещал вернуться в наш город и принять активное участие в предметном разговоре на эту тему.

...И в завершение перенесемся на Приморский бульвар, где 8 июня на Потемкинской лестнице – от начальных и до последних из 192 ступенек – расположились одесситы и гости города, чтобы увидеть-услышать концерт в формате опен-эйр, что означает «открытый воздух», «открытое небо». Небо над вечерним морем. Перед его началом Алексей Ботвинов поблагодарил всех, кто сделал Четвертый фестиваль – действо длиной в десять дней. Он говорил о помощи, оказанной властными структурами – страны, области, города, о просвещенных меценатах, о зарубежных посольствах, фондах и институтах... Главная благодарность –

артистам, музыкантам со всего мира, доставившим нам столько радости, размышлений, и надежд.

На площадку опен-эйра выходили скрипачи Захар Брон и Майкл Гуттман, виолончелистка Цзин Чакао, Алексей Ботвинов, музыканты Берлинского камерного оркестра. В вечернем небе барражировали дроны. За этим красочным действием наблюдал Дюк, чье изображение на эмблеме фестиваля явно приносит удачу.

Так чем же мы закончим знаковую фразу из старой книги? Ее название – «Десять дней, которые потрясли мир»...

Не скрою, в процессе написания этих заметок родилось немало вариантов. Но, поразмыслив, я все же поменяю в нем всего одно слово:

Десять дней, которые потрясли Одессу.

